

СЕРГЕЙ ГАЛИЦКИЙ

ГОРЬКИЙ ДОЛГ АФГАНА

Они защищали отечество

Сергей Галицкий
Горький долг Афгана

«Галицкий С.Г.»

2019

Галицкий С. Г.

Горький долг Афгана / С. Г. Галицкий — «Галицкий С.Г.»,
2019 — (Они защищали отечество)

Книга «Горький долг Афгана» — одна из шести книг библиотеки военной документальной прозы «От Берлина до Дамаска» серии «Они защищали Отечество». От первого лица повествование ведут герои книги: Герой России подполковник армейской авиации Ю. Ставицкий, генерал-майор медицинской службы В. Сидельников, полковник армейской авиации В. Господ, полковник ВДВ В. Осипенко, десантники 350-го полка ВДВ В. Емолкин и В. Чередниченко и другие.

© Галицкий С. Г., 2019

© Галицкий С.Г., 2019

Содержание

От автора	6
Советский солдат афганской войны	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Галицкий Горький долг Афгана

Сергей Галицкий – известный Санкт-Петербургский писатель, член Союза писателей России. Автор серии фотоальбомов «Они защищали Отечество» о войне в Афганистане и современных кавказских военных кампаниях и книг «Из смерти в жизнь...», в которых собраны достоверные свидетельства о помощи Божией советским и российским солдатам и офицерам на войне (электронные версии книг <http://blog.zaotechestvo.ru/readmybook>).

Победитель VII всероссийского конкурса Русской Православной Церкви «Просвещение через книгу» и лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга. По материалам фотоальбомов и книг в Санкт-Петербурге открыты музей «Они защищали Отечество» и музей «Спецназ за Отечество!».

В 2018 году по книге «Из смерти в жизнь... Выбор сильных» известным петербургским режиссёром-документалистом Алёной Поликовской был снят фильм «Выбор сильных».

От автора

Афганскую военную кампанию тогда ещё советская страна вроде бы не проиграла, но и не выиграла. Одно бесспорно: наши солдаты и офицеры вошли в Афганистан, доблестно сражались и вышли, выполняя приказ. Я считаю, что очень важно рассказать нашим детям обо всём, с чем пришлось столкнуться советским солдатами и офицерами в Афганистане. Что помогло им преодолеть тяжелейшие испытания в абсолютно чужой по укладу жизни стране? Что навсегда оставило незаживающие раны в их душах? Благодаря чему они всё-таки сумели с честью исполнить свой воинский долг? Сейчас в это трудно поверить, но даже в советской стране тотального атеизма офицеры-спецназовцы провозили через границу с Афганистаном православные крестики в самом надёжном месте – в партбилете. А вертолётчики зашивали иконки в воротники лётных комбинезонов... О том, как нашим воинам удалось с Божьей помощью выжить в совершенно безнадежных с военной точки зрения ситуациях, расскажут заслуженные советские солдаты и офицеры. Вечная память павшим, честь и слава живым!

Советский солдат афганской войны

Виктор Емолкин родился и вырос в глухой мордовской деревне. До армии с трудом закончил школу, работал трактористом в колхозе, токарем на заводе. Казалось, что он пойдёт по стопам многих своих одноклассников, в большинстве своём спившихся в молодом возрасте.

Но срочная служба в ВДВ и война в Афганистане полностью изменили его жизнь. Полтора долгих года он воевал снайпером в знаменитом гвардейском 350-м парашютно-десантном полку 103-й дивизии ВДВ. Участвовал в десятках боевых выходов, был в окружении. Однажды душманы попытались взять его в плен. Но он не сдался, а был готов взорвать себя вместе с ними гранатой. И выжил...

После армии деревенский паренёк закончил очное отделение юридического факультета Ленинградского университета и стал успешным петербургским юристом, партнёром крупной юридической фирмы.

Виктор Емолкин всю свою жизнь хранил в сердце веру православную. Он ни разу не уклонился от того трудного пути, который ему уготовал Господь Бог. И Бог его на этом пути всегда хранил...

Краткая биографическая справка

Рядовой Виктор Николаевич Емолкин родился в 1966 году в Мордовии в селе Косогоры. Закончил школу в 1983 году. Работал трактористом в колхозе, затем в Саранске – токарем на заводе. Был призван в воздушно-десантные войска в 1985 году. После полугода учёбы направлен в Афганистан, в 350-й полк 103-й Витебской дивизии ВДВ. В Афганистане воевал снайпером. Участвовал в шестидесяти восьми боевых выходах, из которых сорок во-семь – с высадкой из вертолёта.

После окончания срочной службы в 1987 году поступил на подготовительное отделение Ленинградского государственного университета, а затем – на очное отделение юридического факультета университета. После окончания работал в различных коммерческих структурах. Стал успешным юристом, партнёром известной петербургской юридической фирмы.

Награждён медалью «За отвагу».

Рассказывает рядовой ВДВ Виктор Николаевич Емолкин:

– Афганистан для меня – это самые лучшие годы моей жизни. Афган меня в корне изменил, я стал совершенно другим человеком. Там я мог сто раз погибнуть: и когда в окружение попадали, и когда в плену я был. Но с Божьей помощью я всё равно остался живым.

В зоне особого внимания

Служба в ВДВ у меня, как и у многих, началась с того, что в седьмом классе я посмотрел фильм «В зоне особого внимания». И после него я так зарядился любовью к Воздушно-десантным войскам! Вырезал из газет и журналов всё, что там печатали про десантников, носил кирзовые сапоги (портянки завязывать меня бабушка научила), каждый день подтягивался на турнике. Физически я почти полностью подготовился к службе, и, кроме того, в деревне постоянно или пешком ходишь, или на велосипеде едешь. Пройти двадцать пять километров от деревни до ДОСААФа, где я учился на водителя, для меня никакого труда не составляло.

Ребята надо мной смеялись – ведь служить в ВДВ все хотят, но попасть именно туда служить было нереально. Когда я призывался, изо всей Мордовии взяли всего восемь человек.

Я и сам это понимал, но уж очень сильно загорелся. Уже потом я осознал, что меня вёл Господь, прочитав в моём сердце такое огромное желание.

Школу я закончил в 1983 году. Сначала работал трактористом в колхозе, потом учился в техникуме на токаря. А из колхоза в техникум ушёл потому, что меня привлекли за кражу. В колхозной столовой украли ножи и алюминиевые вилки. Кому они были нужны?!. Ведь в деревне вилами не едят, только в столовой они лежат. Да и там ими никто не пользуется! Но кто-то украл.

Мне объявили: «Ты заходил, значит, ты украл. Признавайся!» И забрали в милицию. Говорят – либо заплатишь двадцать пять рублей штрафа, либо получишь пятнадцать суток. Я: «Оформляйте пятнадцать суток». Как я буду признаваться, если я не воровал? Спас меня следователь, который приехал из министерства с какой-то проверкой. Сидел, слушал меня, слушал... А ему я всё объясняю, что в деревне или деревянными ложками пользуются, или алюминиевыми, никому эти вилки не нужны. Он мне: выйди в коридор. И слышу, как он орёт на местного милиционера: «Ты что пацана на пятнадцать суток сажаешь! Головой-то думай – кому они нужны, эти вилки! Ты сам-то чем ешь?». Тот: «Ложкой». Следователь мне говорит: «Езжай домой».

Я был настолько этой историей потрясён, что написал заявление об увольнении из колхоза и уехал в Саранск к сестре. Хожу там по улицам, не знаю чем заняться до армии. В конце концов решил учиться на токаря. Там дали отсрочку от армии, поэтому первый раз в армию меня забрали только осенью 1984 года.

В областном сборном пункте выяснилось, что меня отправляют служить на три года в морфлот. А я так не хотел в морфлот, был просто убит таким поворотом дела! Тут мне сказали, что есть капитан какой-то, с которым можно договориться. Подхожу к нему: «Я в десантных войсках служить хочу!». Он: «Да была уже отправка в десантные войска. Теперь только до весны». Я: «Да не хочу в морфлот!». Он: «Литр водки принесёшь – организую».

За воротами стояла сестра, она пошла в магазин и купила две бутылки водки. Я их заныкал в брюки, притащил и отдал капитану. Он отдаёт мне военный билет и говорит: «Вылезай через окно туалета, там тропинка – по ней выйдешь к вокзалу». Я пришёл в свой военкомат и говорю: «Не взяли, вот военный билет – отдали обратно».

В деревне в то время провожали в армию очень пышно: с концертом, с гармошкой. Из дома в дом ходили, провожая парня. Именно так провожали и меня. А тут возвращаюсь, меня не берут почему-то. Родственники: «Странно... Всех берут, а тебя нет. Ну ладно...».

Через две недели снова отправка. На сборном пункте мне говорят: в пехоту. Сначала под Фергану, потом в Афганистан. У меня были права тракториста, поэтому меня наметили взять водителем танка или БМП.

Но в Афганистан я тем более не хотел! Из нашей деревни там служили пятеро: из них один погиб, один раненый, один умер. Ну совсем туда я не хотел! Иду опять к тому же капитану, водку приготовил заранее. Говорю: «Не хочу в Афганистан! В ВДВ хочу, весной призовусь. Организуете?». И водку показываю, её мне снова сестра принесла. Он: «Молодец, ображаешь! В армии всё будет у тебя в порядке». Снова иду через поле на вокзал. В военкомате говорю – опять не берут!

Осенью повестки больше не было. Но в конце декабря пригласили в военкомат – в ДОСААФ пойдёшь учиться на водителя? Говорю: «Пойду». И 10 января 1985 года начал учиться.

Учился я в ДОСААФе около полугода. Туда к нам приезжал полковник, начальник сборного пункта всей Мордовии. Он был десантником! Подхожу к нему, а сам думаю: обязательно опять все смеяться будут, если попрошусь в ВДВ. Но всё-таки спросил: «Товарищ полковник, я мечтаю служить в ВДВ. Как мне туда попасть?». Он: «Очень трудно. Отправка будет 10 мая, попробую тебе помочь».

Повестки всё нет и нет. Поэтому 9 мая я сам пошёл в районный военкомат. Там говорят: «Ты что, обалдел – сам пришёл? Мы повестками приглашаем». И заставили сначала полы мыть, а потом какую-то комнату красить. Я понял, что мне ничего не светит, и пошёл ва-банк. Говорю: «Вообще-то мой родственник у вас тут начальником». Фамилию, имя и отчество полковника я помнил. Они: «Мы сейчас ему позвоним». Полковник поднимает трубку, капитан ему докладывает, что звонит из такого-то района, и спрашивает: «У вас тут есть родственники? А то у нас парень говорит, что вы его родственник». Полковник: «Нет никаких родственников». Капитан показывает мне кулак. Я: «Скажите, что в таком-то ДОСААФе мы с ним в последний раз общались, фамилия такая-то, я ещё в ВДВ просился! Он забыл, наверное!». И тут произошло чудо, полковник подыграл мне: «Отправьте его ко мне, чтобы срочно был здесь!».

Приехал я в Саранск вечером, поэтому пришёл на сборный пункт только 10 мая утром. А набор в ВДВ состоялся накануне. Полковник говорит: «Всё, ничего не могу сделать. Но попросись у майора, который набирает, может, он тебя возьмёт». Подхожу: «Товарищ майор, возьмите меня! Так хочу служить в ВДВ, просто мечтал! Я и тракторист, и права водителя у меня есть, я борьбой самбо занимался. Не пожалеете!». Он: «Нет, отойди. Я уже набрал восемь человек». И вижу военные билеты у него в руках.

А на сборном пункте несколько сотен человек стоят. Все стали кричать: «Меня возьмите, меня!». Ведь все хотят служить в ВДВ! Я так расстроился, прямо ком в горле встал! Отошёл, сел в углу на какие-то ступеньки. Думаю: «Господи, я же только в ВДВ хочу служить, больше нигде! Что же мне теперь делать, Господи?». Я в буквальном смысле слова не знал, как дальше жить. И тут произошло чудо.

Майор отпустил всех восьмерых, чтобы они попросились с родителями. Они вышли за ворота и там хорошенько дринькнули. Майор строит их через час, а они – в стельку пьяные: еле на ногах стоят, качаются... Он называет фамилию первого: «Пил?». – «Нет». Снова: «Пил?». – «Да». Потом: «Сколько?». – «Сто граммов». А парень еле стоит. Майор: «Я серьёзно спрашиваю». – «Триста граммов». – «А точно?». – «Пол-литра...». И так всех по очереди, все в конце концов признаются. И вот доходит очередь до последнего. Тот нагло отвечает, что не пил – и всё тут! А сам пьяный в дугу, еле стоит. Майор достаёт его военный билет и отдаёт – держи! Парень, ещё не понимая, в чём дело, военный билет берёт.

А майор поворачивается к толпе, кого-то взглядом ищет. Тут все вокруг поняли, что он парня отшил! Толпа майора сразу окружила, море рук: «Меня! Я, я!..». А я стою на ступеньках и думаю – что за шум, что там такое происходит? Тут майор увидел меня и рукой машет – иди сюда. Я сначала подумал, что он зовёт кого-то другого, оглянулся вокруг. Он мне: «Ты, ты!.. Боец, иди сюда! Военный билет где?». А военный билет у меня уже забрали. – «На пятом этаже». – «Минута времени. С военным билетом сюда, быстро!». Я понял, что у меня появился шанс. Побежал за билетом, а его не отдают! «Какой военный билет? Пошёл вон отсюда! Сейчас будешь полы красить». Я к полковнику: «Товарищ полковник, меня решили взять в ВДВ, а военный билет не дают!». Он: «Сейчас». Забрал билет, даёт его мне: «На, служи! Чтобы хорошо всё было!». Я: «Спасибо, товарищ полковник!». И пулей вниз. Сам думаю: «Господи, лишь бы майор не передумал!».

Подбегаю и вижу душераздирающую сцену: парень, которого майор отбраковал, на коленях стоит и плачет: «Простите меня, простите! Я пил! Возьмите меня, возьмите!». Майор берёт у меня билет: «Встать в строй!». Я встал, внутри всё дрожит – а вдруг он передумает? Про себя: «Господи, лишь бы он не передумал, лишь бы не передумал!..». И тут майор говорит парню пьяному: «Запомни – в ВДВ ты не годишься принципиально. Ты можешь пить, дерзить, делать что угодно. Но такие вруны, как ты, в ВДВ не нужны».

Майор мне: «Попрошались с родителями? В автобус!». Мы сели, а майор всё ходит снаружи. И тот парень за ним ходит, ещё вокруг майора парни просят: «Меня возьмите, меня!..».

И пока он минут тридцать оформлял что-то, я волновался и не мог дождаться – скорее бы поехали!

Наконец майор зашёл в автобус, и мы поехали. Толпа провожала нас, все смотрели с завистью, как будто мы счастливички и едем куда-то в райские кущи...

Майор спросил нас, как хотим поехать: в купе или в эшелоне для солдат. Мы – конечно, в купе! Он: «Тогда по червонцу с каждого». Оказалось, что он заранее забронировал три купе: два для нас и отдельное для себя. И поехали мы в Москву, как белые люди, в фирменном поезде. Он даже разрешил нам немного выпить. Посидел с нами. Мы его полночи расспрашивали обо всём, нам всё было интересно. А вообще-то я ехал и каждые пять минут шипал себя: не верю! Это же какое-то чудо! Я всё-таки попал служить в ВДВ! А когда отъезжали, мама стояла у окна вагона и плакала. Я ей: «Мама, что же ты плачешь? Я ведь еду в ВДВ!...».

Утром приехали в Москву, поезд на Каунас только вечером. Майор разрешил нам пойти на ВДНХ, пивка выпить. Из Каунаса на автобусе приехали в посёлок Рукла, «столицу» Гайжюнайской учебной дивизии ВДВ. В лесу расположены три полка, масса учебных центров, взлётная площадка. Именно здесь снимали фильм «В зоне особого внимания». И каждый раз, когда я смотрю этот замечательный фильм в сотый раз, то вспоминаю: вот здесь я в карауле стоял, вот тот самый магазин, который в фильме ограбили бандиты, а мы покупали в нём газировку «Буратино». То есть я попал именно в то место, с которого началась моя мечта о службе в ВДВ.

Учебка

В армию я взял с собой крестик, мне его бабушка дала. В деревне у нас крестики носили все. Но перед отправкой я его брать не хотел, даже свернул с верёвочкой в клубок и положил к иконам. Но бабушка сказала: «Возьми. Пожалуйста!». Я: «Так ведь всё равно отнимут!». Она: «Ради меня возьми!». Я взял.

В учебке сначала нас стали распределять, кто куда годен. Нужно было километр пробежать, потом подтянуться на перекладине, сделать подъём переворотом. Я рвался в разведроту. Но в результате попал в 6-ю роту батальона специального назначения 301-го парашютно-десантного полка. Как потом выяснилось, батальон готовили к отправке в Афганистан...

После проверки физподготовки нас отправили в баню. В баню заходишь в своей одежде, двери за тобой закрывают. А выходишь уже в воинском обмундировании. И тут тебя проверяют дембеля – денежку ищут. Я крестик с верёвочкой сунул под язык. У меня было рублей пятнадцать, я бумажки эти в несколько раз сложил и между пальцами руки зажал. У меня дембеля всё проверили, потом: «Рот открой!». Думаю – наверняка крестик найдут. Говорю: «У меня деньги здесь». И подаю им свои пятнадцать рублей. Они деньги забрали – свободен, проходи. А когда пришли в часть, я крестик под петлицу зашил. Так до самого дембеля я с этим зашитым крестиком и ходил.

На второй или третий день командир батальона нас построил. До сих пор помню, как он ходит перед строем и говорит: «Пацаны, да вы знаете, куда вы попали?!». – «В армию...». – «Вы попали в ВДВ!!!». Сержанты: «Ура-а-а-а!...». Тогда же он нам сказал, что мы пойдём в Афганистан.

Сержанты говорят: «Сейчас проверим кто есть кто!». И мы побежали кросс шесть километров. А я на такие расстояния никогда не бегал. Ноги-то нормальные, а дышалки нет! Километра через полтора чувствую – у меня внутри всё горит! Еле-еле пилю где-то сзади. Тут один парень остановился, подбегает: «Слушай, ты когда-нибудь бегал на такую дистанцию?». – «Нет». – «Да ты чего? Ты же скоро лёгкие с кровью выплюнешь! Давай, дышалку будем ставить. Беги со мной в ногу и на каждый стук ноги вдыхай носом». И мы побежали. Это оказался парень из Чебоксар, кандидат в мастера спорта по лёгкой атлетике.

Дыхалку он мне очень быстро поставил. Бежали мы с ним вместе ещё километра полтора. Мне стало полегче, я стал дышать. Он: «Ну как? Ноги – нормально?». – «Нормально». – «Давай догоним основную толпу». Догнали. – «Слушай, давай их обгоним!». Обогнали. – «Давай тех десятерых догоним!». Догнали. – «Ещё вон тех троих!». Опять догнали. Это у него такая тактика была. Говорит: «Через пятьсот метров финиш. Метров за триста рванём, потому что все рванут». Мы рванули, и на финише я ещё и его обогнал, прибежал первым.

Оказалось, что «физика» у меня есть. Этот парень научил меня правильно бегать, но в результате потом сам меня ни разу не мог обогнать. Но он оказался независтливым, радовался, что у меня получается. В результате я в роте бегал лучше всех. И у меня вообще всё получалось. Ведь каждое утро я стал тренироваться. Все курят, а я в это время качаюсь, кирпичи держу, чтобы руки при стрельбе не тряслись.

Но когда первый кросс мы вдвоём прибежали первыми, подошли сержанты и один из них мне к-а-к врежет! А я после шести километров и так еле дышу. «За что?». «За то! Ты понял, за что?». – «Нет». Он ещё раз мне – дынь! Я: «Понял!». Но на самом деле мне было непонятно. Всех спрашиваю – за что? Я же первый прибежал! Никто тоже не понимает.

После второго кросса (я в первой десятке прибежал) мне сержант опять врезал: «Самый хитрый?». И «колобашку» сверху – бац!.. – «Понял, за что?». – «Нет!». – «Ты что, как сто китайцев тупых, как сибирский валенок!». Столько новых выражений услышал: и баран я парнокопытный, и монгол какой-то несусветный. Я всё равно не понимаю! Говорю: «Хорошо, я виноват. Тупой, деревенский – но не понимаю: за что!». Тут сержант объяснил: «Ты знаешь, что лучше всех бегаешь. Ты должен помочь тому, кто слабее всех! ВДВ – это один за всех и все за одного! Понял, солдат!?!».

И после этого как только кросс или марш-бросок пятнадцать километров, я тащу самого слабого. А хуже всех бегал пацан, у которого мама была директором кондитерской фабрики в Минске. Раз в две недели она приезжала к нам и с собой привозила кучу шоколада, служебная машина была полностью им забита. Поэтому этот парень бегал в кедах. Все в сапогах, а он – в кедах! Но всё равно бежит хуже всех. Останавливаюсь – он цепляется за мой ремень, и я тащу его за собой. Я вперёд – он меня назад дёргает, я вперёд – он меня опять назад тянет! Прибегаем минут через тридцать после всех. Я просто падаю, ноги вообще не идут. Как же тогда это было тяжело и казалось лишней обузой...

Но потом я благодарил Господа – ведь таким способом я накачал себе ноги! И в Афганистане это мне очень пригодилось.

Первые два месяца я плохо стрелял: и из автомата, и из пулемёта, и из пушки БМП-2. А для тех, кто стрелял на двойки, была такая процедура: на голову – противогаз, в руки – два чемодана. И семь с половиной километров со стрельбища – в полк бегом! Останавливаешься, выливаешь пот из противогаза, и дальше – тын-тын-тын... Но в конце концов один сержант стрелять меня всё-таки научил.

Сержанты у нас вообще были очень хорошие, из Белоруссии. Помню, рота выходит в наряд. Сержант: «Желающие – два человека в Вильнюс!». – «Я-я-я хочу!..». А мы с парнем, который был из Крыма, рядом стоим, он тоже из деревни. Решили – давай не будем торопиться, что достанется, туда и пойдём. «В районный центр столько-то человек, в кафе столько-то – нужно отвезти что-то в город». Потом: «Два человека – свинарник». Тишина... А мы же деревенские. «Давай мы пойдём!». – «Ну, давай». Дальше зачитывает: «Два человека (я и парень из Крыма) едут в Каунас. Остальные – копать окопы!». Это было очень смешно.

В следующий раз всё то же самое: желающие туда-то поехать? Тишина... Сержант нас спрашивает: «А вы куда хотите? Есть коровник, есть то-то, есть то-то...». А нам, деревенским, в коровнике – одно удовольствие! Навоз почистили, коровку подоили, молочка попили – и на сено спать. А место огороженное, коровы дальше забора всё равно не уйдут.

В школе я учился плохо. Мне на выпускном экзамене даже двойку поставили и должны были выпустить не с аттестатом, а со справкой. Но из-за того, что я остался работать в колхозе, председатель колхоза договорился: мне тройку всё-таки поставили и аттестат дали. А здесь в армии я стал лучшим солдатом, примером для других. Я выучил наизусть все инструкции, все правила дневальных, караульных. Бегал лучше всех, научился отлично стрелять, рукопашный бой получался, лучше всех проходил ВДК (воздушно-десантный комплекс. – Ред). И через пять с половиной месяцев меня признали лучшим солдатом роты.

Но оставались прыжки с парашютом... Практически у всех до армии прыжки были, а я никогда не прыгал. И вот однажды в три ночи поднимают – боевая тревога! В четыре утра – завтрак. Потом выехали на машинах в сторону деревни Гайжюнай, оттуда – марш-бросок по лесу. И часам к десяти утра мы пришли к аэродрому. Туда на машинах уже привезли наши парашюты.

Так получилось, что день первого прыжка совпал с днём моего рождения. Всем курсантам в день рождения давали отпуск, и ты в этот день ничего не делаешь, идёшь в кафе, просто гуляешь. Офицер тебя останавливает: «Стой, куда идёшь?». – «У меня день рождения сегодня». Без разговора – свободен, иди гуляй дальше. А тут в три ночи подъём, марш-бросок и первый прыжок! Но такое событие на следующий день не переносится...

Мы сели в «кукурузник», самолёт Ан-2. Было нас человек десять. А все опытные, у одного – вообще триста прыжков! Он: «Ну что, пацаны! Трусите?!». Все вида не подают, я тоже стараюсь держаться. Ведь к тому времени я был среди лучших!

Прыгал я по росту и по весу четвёртым. Все улыбаются, шутят, а я даже улыбку не смог выдавить из себя. Сердце – тын-тын, тын-тын... Про себя говорю: «Господи! Я должен прыгнуть, я должен прыгнуть! Я же в числе лучших числюсь. Что будет, если я не прыгну? Позор на всю жизнь. Я так рвался в ВДВ! Я прыгну, я прыгну!.. Никто же не разбивается... Я заставлю себя!». Так сам с собой и разговаривал до самой сирены. А когда она сыграла, я увидел, что трусят все...

Раньше дважды во сне я видел ад. Сон такой – падаешь в бездну с невероятным страхом!.. Страх этот у меня в мозгу и засел. (Это потом я узнал, что такие сны видишь, когда растёшь.) И вот этот самый страх напал на меня в самолёте! Встали, проверили, чтобы всё было застёгнуто. Я строго по инструкции схватился правой рукой за кольцо, левой – за «запаску». Инструктор командует: «Первый пошёл, второй пошёл, третий пошёл...!»! Шёл я с закрытыми глазами, но у самых дверей пришлось их открыть: по инструкции, надо определённым образом ногу поставить и потом нырять по ходу. И я вижу, что внизу облака – и дальше ничего нет!.. Но спасибо инструктору – он мне помог практически: «Четвёртый пошёл!..». И я пошёл...

Но как только вылетел из дверей, мозг сразу заработал. Ноги поджал под себя, чтобы они во время кувыркания не заплели выходящие стропы. «Пятьсот двадцать один, пятьсот двадцать два... пятьсот двадцать пять. Кольцо! Потом – кольцо за пазуху!». Это я себе такие приказы давал. Обратил внимание, что сердце, которое невероятно билось в самолёте, после прыжка через какую-то секунду перестало уже так стучать.

Сильный рывок, даже ногам больно стало! Открылся парашют. А у меня в голове крутится инструкция: перекрестить руки, посмотреть, нет ли кого-то рядом. И тут наступило такое блаженство!.. Вокруг парни летят. – «Витё-ё-ё-ёк, приве-е-е-ет! Ко-о-о-о-оля, приве-е-ет!». Кто-то песни поёт.

Но как только я посмотрел вниз, то тут же судорожно схватился за стропы – земля уже близко! Приземлился нормально. Но из-за того, что я перенервничал, у меня ещё в воздухе началась «медвежья болезнь»! Думаю: «Быстрее бы упасть на землю, да поближе к каким-нибудь кустам!». Погасил парашют строго по инструкции: потянул на себя стропы, потом резко отпустил. А тут же быстренько с себя всё скинул и бегом в кусты! Сажу там... Бам! Рядом сапог упал. Только тут до меня дошло, зачем десантники завязывают шнурки на голенищах

сапог. Собрал парашют. Иду по полю. Рядом – бум! Это кольцо с тросиком упало, кто-то его выбросил, а не затолкнул за пазуху! А я уже шлем снял. Тут же снова натянул его на голову, ещё и парашют сверху поставил.

Здесь же, в лесу, нам дали значки, шоколадки. И вручили по три рубля, положенные солдату за каждый прыжок. Офицерам платили по десять рублей. Сразу стало понятно, почему все так рвались на прыжки. После первого прыжка на полмесяца настроение у меня улучшилось, как будто силы дополнительные появлялись. (Всего у меня было шесть или восемь прыжков. В Афгане, конечно, прыжков не было. Сначала командование планировало организовать. Мы даже подготовились, собрали парашюты. Но в назначенный день прыжки отменили – побоялись, что душманы могут устроить засаду.)

Один из семи парней, с которыми мы вместе призывались из Мордовии, попал служить со мной в одно отделение. У нас даже кровати были рядом. Я думал: «Какое счастье, что рядом есть земляк!». Ведь деревенским парням намного сложнее, чем городским, уезжать из дома. В первое время было очень тяжело, просто невыносимо тяжело. Он оказался неплохим парнем, и мы с ним постоянно общались. Его родная сестра работала медсестрой в госпитале в Кабуле. И она писала ему такие страшные письма! Письма на гражданку цензура точно читала и много чего не пропускала. А это были письма между воинскими частями, поэтому, наверное, они доходили. И вообще солдатам из учебки разрешали переписываться с солдатами, которые уже воевали в Афганистане.

Мы читали письма сестры вместе. Сестра писала, что почти восемьдесят процентов ребят болеют гепатитом, процентов двадцать пять раненые, процентов десять – калеки, очень много убитых. Она ему писала: «Я не хочу, чтобы ты здесь служил!». И через три с половиной месяца её брат сломался... Пошёл к командиру полка, показал письма и сказал, что не хочет в Афганистан. Командир: «Хочешь в ремроту, в постоянный состав?». – «Хочу!». И через две недели его перевели в ремроту. Я переживал – мы с ним сильно сдружились.

А ещё через какое-то время он стал уговаривать меня: «Давай оставайся, давай оставайся...». Я думаю, что он, увильнув от Афгана, искал себе оправдание в том, что он не один такой будет.

Мы, курсанты, ходили очень чистые и опрятные: мылись, форму стирали... А он приходил из ремроты весь в мазуте, чёрный, невыспавшийся – дембеля его гоняли там, как сидорову козу. А у нас в учебной роте и дембель был только один. Сержанты нас, конечно, гоняли, но такой дедовщины, как в ремроте, не было.

Мой товарищ сходил к командиру полка: «У меня есть земляк, Виктор. Он и токарь, и вообще хорошо служит. Может, его тоже оставите?». Меня командир полка пригласил: «В Афгане хочешь служить?». – «Да не очень хочется, если честно признаться». – «Хочешь остаться?». – «Ну можно остаться...». – «Ладно, сделаем на тебя приказ».

Незадолго до этого ко мне приехала мама в гости. Её я позвал сам. Хотя принципиально я, как и все, был против приезда родителей. Я же не маменькин сыночек! Но я ехал в Афганистан, где, возможно, меня убьют. Я хотел с ней сфотографироваться, попрощаться. Она не знала, что нас готовят в Афган, и я не собирался ей об этом говорить. (Кстати, почти до самого конца моей службы она так и не знала, что я служу в Афганистане.)

Мама приехала вместе с мужем моей сестры. Спрашивают: «Где будешь служить потом?». – «Отправят в какую-нибудь часть». Но на следующий день, когда мама пришла ко мне, на КПП она увидела рыдающую женщину: сына берут в Афганистан!.. Мама тоже расплакалась. Говорит: «А мой сын не идёт в Афганистан». – «А в какой роте он служит?». – «Не знаю». – «А буква какая?». – «Е». – «А у моего тоже «Е»...». – «А мой сказал, что вся рота идёт в Афганистан!».

Прихожу – мама рыдает. «А ты, оказывается, в Афганистан идёшь, скрывал от меня!». – «Мама, я не иду в Афганистан». А она мне разговор с той женщиной пересказывает. Спраши-

ваю: «А как её сына зовут?». – «Такой-то». – «Да, он идёт, а меня в другое место отправляют». Сам про себя думаю: «Ну и козёл...».

Целый день мы с мамой гуляли. Вечером прихожу к командиру полка: «Дайте мне какую-нибудь бумажку, что я не иду в Афганистан, мама не переживёт этого». Командир вызвал писаря, тот написал, что я командирован на полтора года в Братиславу в Чехословакию. Командир расписался, печать поставил. Я принёс бумагу маме: «Вот, пожалуйста! Это приказ, что я в Чехословакию иду служить, успокойся». Мама так обрадовалась!

Я вернул бумажку командиру полка. Он: «Ну, успокоилась?». – «Успокоилась». Разорвал, и мне: «Ладно, иди». Потом я пошёл к парню, от которого всё пошло. – «Ты что, обалдел? Скажи своей маме, что я точно не иду в Афган!».

Тут командир полка выпустил приказ, что я остаюсь в постоянном составе в ремроте. Но когда приказ состоялся, мне стало не по себе, муторно на душе. Не хотели в Афган многие, но деваться было некуда. А я ведь всегда был примером, ходил по прямой. А тут как-то извернулся, увильнул...

За две недели до отправки нам выставили оценки, и я увидел, что оказался в числе лучших солдат полка. Меня все поздравили. И тут же в роту принесли приказ, что я остаюсь в постоянном составе. Все: «Витёк, мы так рады, что ты остаёшься! Не отлынивал, пахал, как папа Карло. Давай, Витёк! Будем переписываться. Если кого-то убьют, мы тебе напишем...».

Я собрал рюкзак, стал уже прощаться, и вдруг у меня сами собой потекли слёзы: «Боже мой, эти парни мне же ближе, чем родные, стали!». У некоторых тоже слёзы на глаза навернулись. Выхожу из роты (это четвёртый этаж), стал спускаться по лестнице, чувствую – ноги не идут. Меня стала душить совесть, мне воздуха не хватало. Стало так плохо... Думаю: «Это я, лучший солдат роты, уваливаю от Афганистана? Это не по-человечески!». Появилось явное чувство, что они все идут в рай, а я из рая ухожу.

Бросил рюкзак прямо на площадке и побежал к командиру полка. – «Товарищ полковник, виноват! Простите, спасите меня!». А там какие-то офицеры сидели. Он: «Солдат, я тебя помню. Что случилось?». – «Спасите!». – «Что надо?». – «Отправьте в Афганистан!». – «Почему?». – «Не могу, совесть меня душит. Я хочу с ребятами!». Он: «Подожди». Пошёл, достал мою папку из архива. Копался, копался (а там на меня уже листов пятнадцать было написано), вытащил заявление о том, что я хочу остаться в части. – «На, рви!». Я разорвал. – «Пиши заявление в Афганистан. Я, такой-то такой-то, хочу в Афганистан по собственному желанию. Расписывайся, дату ставь». Положил в мою папку заявление: «Отнесите, отдайте в афганскую группу. Поедешь в Афганистан». Я: «Спасибо!...». – «Подожди!».

Полковник вышел со мной на улицу и произнёс слова, которые я запомнил на всю жизнь. Я никогда таких в свой адрес не слышал. В школе меня только ругали, обзывали по-всякому. А полковник сказал: «Знаешь, я с тобой пообщался и понял – у тебя очень сильные моральные качества. Ты сможешь выдержать любые нагрузки, любые испытания. Никогда не бойся. Если другому очень тяжело и он чего-то не может, знай: ты сильнее его. Это тебе поможет». Обнял меня: «Служи хорошо, не подводи наш полк!». – «Спасибо, товарищ командир!». И побежал к себе.

На лестнице хватаю рюкзак, забегаю в роту. – «Витёк, что случилось?». – «Ребята, я еду с вами в Афган!...». И тут мы снова обнялись до слёз... Потом я пошёл к земляку в ремроту: «Ты прости, Олег, но я еду в Афганистан». – «Жалко, конечно, что я здесь один остаюсь. Вдвоём веселее было бы». – «Да, но я не могу».

Я подумал тогда, что убежал от первого промысла Божьего (от трудностей трёхлетней службы в морфлоте отказался), но тогда Господь увеличил трудности ещё больше – в Афганистан пойдёшь! А я ведь сам хотел в десантные войска, хотел же испытать себя. И Господь дал мне такую возможность. Но дал и направление – Афганистан. А я решил этого избежать! И, что интересно, Господь дал мне возможность выбора (я ведь мог избежать этих трудностей). Но

одновременно Он дал мне совесть и этим спас меня. Если бы я увильнул от Афгана, я бы точно погиб, (если даже не физически, то морально), стал бы совершенно другим человеком, сломался бы, как многие мои земляки, не мог бы жить нормально, если бы перестал себя уважать.

Летим в Афганистан

Через пару недель нас посадили в двухэтажные десантные ИЛ-76, и мы долго-долго летели до Кировобада. В Гайжюнае было холодно, а выходим из самолёта – двадцать семь градусов тепла! Дали сухпайки, мы чего-то поели и полетели дальше, в Фергану. Вышли из самолёта – темнота, ничего не видно. Стояли на аэродроме, стояли... Тут говорят: ночевать будем в Ферганском десантном учебном полку. Пошли туда пешком. Идём, идём по пустыне, идём, идём... Так шли то ли пятнадцать, то ли семнадцать километров.

Жили мы в полку трое суток, спали в каких-то жутких условиях. Ведь мы прибыли из культурной Прибалтики! И здесь условия – как в Афганистане: вода течёт только из каких-то дырочек в трубах, туалет на улице.

Нам говорили, что задержка с отправкой – из-за урагана, самолёт не может сесть. А потом выяснилось, что накануне сбили самолёт с дембелями. Нам, конечно, ничего не сказали. Через три дня снова пешком пришли на аэродром. Посадили нас не в военный самолёт, а в гражданский Ту-154. Самолёт летел на максимальной высоте, ведь тогда уже появились «стингеры» (переносной зенитно-ракетный комплекс производства США. – Ред.). Горы сверху казались такими маленькими. Красота неопишуемая! А вот когда подлетели к Кабулу, началось что-то невообразимое. Самолёт стал заходить на посадку по крутой спирали с пикированием. Было такое ощущение, что мы просто падаем! Сели, смотрим в иллюминаторы – вокруг средневековье, холмы облеплены мазанками. Появилось ощущение, что мы на триста лет назад на машине времени провалились.

Прямо у трапа встретили дембелей, которые на этом самолёте должны были улететь. Матёрые такие: чёрные от загара, в парадке, с медалями, с аксельбантами! И у всех в руках дипломаты (небольшие плоские чемоданчики) одинаковые. – «Откуда? Есть кто-то из Перми, из Иркутска?..». Мы спускаемся, они кричат: «Вешайтесь, сынки! Тут вам конец!».

Пересыльный пункт был метрах в двухстах. Туда за нами пришёл офицер: «За мной!». Тут же начиналась артиллерийская часть. Она была в самом конце аэродрома за взлётной полосой (артиллерийский полк 103-й Витебской воздушно-десантной дивизии. – Ред.). Через «артполчок» мы пришли в «полтинник» (350-й полк 103-й дивизии ВДВ. – Ред.). Завели нас в клуб, мы расселись в зале. Пришли «покупатели»: – «Так, сначала в разведроту дивизии». Кричу: «Я, я хочу!». – «Ладно, иди сюда. Где учился?». – «В шестой роте в Гайжюнае». – «Нет, не можешь. Мы берём только разведчиков». – «Ка-а-ак?!..». Но всё-таки с моего взвода один парень попал, Володя Молотков из Череповца (он, слава Богу, остался жив). Они разведчиков не добрали, а он к ним ближе всех стоял.

А я всё рвусь и рвусь! Мне один «покупатель» говорит: «Да что ты всё время рвёшься куда-то?!..». – «Я хочу в боевую роту, воевать!». – «Тогда пойдёшь ко мне в 1-ю роту». Так я попал в 1-е отделение 1-го взвода 1-й роты 1-го батальона 350-го полка. А 1-я рота всегда первой десантируется, самой первой поднимается в горы и самой первой захватывает горки. И если 1-я рота поднималась выше всех, то 1-й взвод в ней уходил дальше всех и поднимался выше всех и оттуда докладывал полку, что творится вокруг.

Вместе с нами пришли «ферганцы», солдаты из учебного полка в Фергане. Внешне мы друг от друга очень сильно отличались. Мы все мордovorоты, кровь с молоком. Ведь нас в учебке кормили как на убой: шоколадное масло, яйца, печенье. А «ферганцы» тощие – их кормили одной капустой.

Наконец мы (нас двадцать два человека), пришли в роту. Из 6-й учебной роты из Гайж-юная со мной в 1-й роте никого не оказалось. Правда, из нашего учебного взвода несколько парней попали в 3-ю роту. Они жили от нас через коридор.

В роте нас уже поджидали довольные дембеля, на вид тигры прямо какие-то: «Пришли!.. Как мы вас ждали!..».

Меня назначили наводчиком-оператором БМП-2. А мне так хотелось в горы! Мы выезжаем на броню, а других на вертолёте куда-то кидают. Возвращаются дней через десять – злые, как пантеры... Как будто они видели что-то настоящее в жизни, а мы нет.

Первые полмесяца жили в части, в палатках. В октябре в Афганистане температура воздуха примерно плюс сорок. Нас там учили, как правильно воду пить. Мы всё время носили с собой фляжку. Пить надо только один глоток, глотать не сразу. Можно горло прополоскать перед тем как проглотить. И всё время надо было таскать шляпу, чтобы не получить солнечный удар. Но ещё более опасным был тепловой удар. Тогда человек может просто умереть, особенно если это происходило на боевых. Если ты находишься в части, то больного можно отвезти в госпиталь, а в горах куда везти?..

Эти две недели мы каждый день бегали кросс до Паймунара, до стрельбища. Это километров семь-восемь. Выглядело так: собирают всех молодых (это несколько сот человек), строят и – бегом марш!.. Бежим, пылища столбом... Это примерно как бежать по бетону, который обсыпан цементом. Сначала народ бежит в три ряда, потом в десять, потом ещё больше. Потом, растянувшись по всему полю, бежит огромный табун, поднимая немыслимую пыль! Тем, кто в хвосте, от этой пыли вообще дышать нечем. Я это быстро сообразил, взял автомат в руку и вперёд – тын, тын, тын!.. Думаю: я не сдамся! Так я ещё раз себя проверил и прибежал первым. И успокоился: раз меня не обогнали, значит, всё нормально, всё будет хорошо. На стрельбище мы целыми днями стреляли, ползали, на гору поднимались. Было очень тяжело... Но я понял, что если мне тяжело, то и всем тяжело.

Кандагар

Осенью 1985 года начались боевые действия в Кандагаре, это километров пятьсот от Кабула. По разведанным, душманы планировали захватить сам город.

Броня наша пошла своим ходом. А меня с брони сняли, потому что на боевых из бойцов кто-то не выдержал. И вместо одного из них взяли меня – пойдёшь «карандашом», то есть автоматчиком! Я был так счастлив! Это было примерно такой же переход к другой жизни, как попасть в десантные войска. Конечно, так, как я, рвались не все. Но я думал: раз уж приехал воевать, значит надо воевать!

В Кандагар полетели на военно-транспортном самолёте Ан-12. Летел он на предельной высоте около десяти тысяч метров. В этом самолёте есть гермокабина небольшая, там находятся лётчики, где и давление нормальное, и температура, и воздух. Но нас-то загрузили в транспортный отсек сзади, а в нём на высоте вообще дышать нечем! Хорошо, что у меня «дыхалка» была хорошо поставлена, я сознание не терял, но процентов пятьдесят наших вырубались. Потом вышел лётчик и дал нам маски. Оказывается, всё-таки были кислородные маски: одна – на три-четыре человека. Стали дышать по очереди. И ещё в самолёте стоял невероятный колотун, холодрыга немыслимая! Потом уже я узнал, что на этой высоте температура воздуха за бортом примерно минус пятьдесят градусов, а транспортный отсек не герметичный... Когда прилетели, то некоторых просто пришлось выносить из самолёта на руках. У меня из-за нехватки кислорода появились жуткие головные боли, спазм в голове.

Нам сказали, что сразу в горы нельзя. Надо готовиться. Двое суток мы жили прямо на земле, лежали рядами возле аэродрома. Более или менее в себя пришли, подготовились к бое-

вым. Тут как раз подошли наши ребята на броне. У них по дороге было несколько подрывов. Но, слава Богу, все остались живы.

На третьи сутки нас посадили на вертолёт. Даже помню, сколько их было. Сорок. В каждом – по тринадцать-пятнадцать человек полностью экипированных, у каждого по пятьдесят-шестьдесят килограммов на плечах. Дверей в вертолёте нет, только тросик натянут. Рампы в хвосте тоже нет, стёкол на иллюминаторах нет: тут пулемёт стоит, тут пулемёт стоит, в иллюминаторах – автоматы. Так, ошестинившись стволами, мы полетели в горы. В горах находилось плато, на котором располагался учебный центр. По данным разведки, именно здесь американцы готовили душманов ко взятию Кандагара. «Духов» должно было быть много, вроде бы не меньше тысячи.

Только мы подлетели к горам, как душманы в упор расстреляли нас из ДШК!.. Самих выстрелов было почти не слышно: пых-пых-пых... Мы, 1-й взвод 1-й роты, летели самые первые, поэтому первыми нас и сбили. В вертолёте по центру огромный бак с топливом стоит. Господь нас спас, потому что по бокам бака в полу появились большие дырки, а сами пули ушли дальше вверх к двигателям! Пули попали и в кабину лётчиков, там кого-то ранило. Вертолёт загорелся, пошёл вниз, дымище повалил страшный! И двигатели заработали с натугой, плохо: ту-ту-ту, ту-ту-ту... Мы стали падать в ущелье. Сзади слышится стрельба, взрывы. Но нам было уже не до этого...

Дембеля схватились за голову: вот-вот домой, а тут сейчас все погибнем! Но на самом деле всё было не так уж и страшно. Экипаж был очень опытный. У них под крылышками стояли большие дымовые шашки, от них тянулись стальные тросики, которые через ролики выходили в кабину. На концах к тросикам были приделаны две ручки от парашютов. И как только в вертолёт попали пули, лётчики дёрнули за тросики и вырубил один из двух двигателей. Душманы подумали, что этот вертолёт сбит, и занялись оставшимися.

Падали в ущелье мы долго. Глубина была, может быть, около километра. Мы падаем, падаем, двигатель натужно работает... Но потом лётчики включили второй двигатель, вертолёт стал устойчивым. И мы пошли уже вдоль ущелья.

Когда стали падать, я посчитал, сколько дней служу в Афганистане. Получилось тридцать пять. Я вроде сильно не паниковал, ведь к этому готовился. Помню, пришла мысль: раз суждено умереть, лучше умереть достойно. Но Господь нас охранил, от места боя мы улетели.

А вот следующие два вертолёта со 2-м и 3-м взводом нашей роты сбили по-настоящему: они врезались в камни. Просто чудо, что никто не погиб, хотя эти два вертолёта в конце концов загорелись. Остальные развернулись и улетели обратно в Кандагар.

Некоторые из ребят в обоих вертолётах от удара потеряли сознание. Но те, кто мог что-то соображать и делать, стали отстреливаться – ведь «духи» сразу побежали к месту падения. «Духов» отогнали, вытащили своих из горящих вертолёт. Потом забрали боезапас, пулемёт, запасные пулемёты. Слава Богу, успели до того, как оба вертолёта взорвались.

Вертолёты упали недалеко, метров пятьсот друг от друга. Рации у наших работали. И они решили взять горку, на которой были «духи». «Духи» атаки не выдержали – ушли с горки, перебежали на другую сторону. На горке наших собралось уже тридцать человек. Они камнями обставились и заняли круговую оборону.

Мы вылетели из ущелья. Летим над равниной. Неожиданно появились реактивные самолёты. Явно не наши. Оказалось, что ущелье выходило в Пакистан! Самолёты в одну сторону пролетели, потом в другую. Пилот одного из самолётов, который на несколько секунд пристроился параллельно, показывает – выходите на связь! Тут кто-то из наших сдуру орёт: «Давайте его из пулемёта собьём!». Но сбивать самолёт, конечно, мы не стали. Наши лётчики нырнули вниз, развернулись и пошли обратно по ущелью. Но чтобы не подлетать к месту боя, стали подниматься к вершине высокой горы. Вертолёт еле тянет, мы почти физически это ощущаем! – «Ну, родненький, давай, давай!..». Кто-то сунулся к лётчику: «Командир, может, что-нибудь

скинуть?». – «Тебя давай скинем!». – «Не-е-е, меня не надо!..». Еле-еле перелетели, буквально над самыми камнями над вершиной хребта, и вернулись в Кандагар.

Подбежали к связистам, рация у них была включена. По очереди слушаем, как парень, который находится на горе на связи, кричит: «Ребята, не оставляете нас, не оставляйте!!! Тут море душманов, они валом идут!». Кошмар какой-то такое услышать! Мы сами только что еле выжили, а тут наши товарищи погибают!..

Вертолётчики сначала лететь не хотели. Наверное, понимали, что это на верную гибель. И если бы дали волю солдатам, они бы точно этих лётчиков перестреляли. Ругались, ругались, но в конце концов полетели... .

Но сначала полетели самолёты, отбомбились по душманским позициям. Потом «крокодилы» (ударный вертолёт МИ-24. – Ред.) ракетами и пушками обработали местность. А потом на МИ-8 полетели уже «карандаши», то есть десантники. Наш взвод снова оказался в первых рядах. Но в этот раз на подходе к месту высадки никого не сбили.

На земле наши отвоевали у «духов» плацдарм. Высадились всем батальоном и сразу разошлись по разным точкам на хребте, захватывая горки, – это чтобы при обстреле всех сразу не перебили.

Ущелье с противоположной стороны окружал очень большой и высокий хребет, за которым начинался Пакистан. На плато в середине ущелья мы увидели душманский учебный центр: дома, окопы, блиндажи. Душманы нас совершенно не боялись. И напрасно: из Союза прилетели тяжёлые бомбардировщики, которые сбросили на плато даже не знаю сколько тяжёлых бомб. После бомбёжки установки «град» стали работать, потом отработала артиллерия и танки.

Управление батальоном встало на соседней горке. Молодых солдат и меня вместе с ними оставили на той самой горе, где мы высадились. А «фазаны» (солдаты, отслуживший год. – Ред.) и дембеля с командиром взвода пошли брать соседнюю горку километрах в трёх. Там оказались четыре «духа». Они просто убежали.

Наши дембеля ушли, остались дембеля из управления батальона. Воды у всех оставалось очень мало, у меня – около литра. А когда воды мало, пить хочется ещё больше. Обычно на боевые мы брали с собой по две полторалитровых капроновые фляги на человека. А больше брать было просто невозможно. Если всё сложить, то получается примерно так: бронежилет восемь килограммов, автомат или винтовка ещё три с половиной – четыре килограмма. Четыре двойных магазина по сорок пять патронов в каждом – ещё два килограмма. С нами ходил миномётный расчёт, поэтому каждому давали по три-четыре мины, это ещё почти пятнадцать килограммов. Плюс ленты с патронами для пулемёта, килограмма по три каждая. Вода три литра. Три сухпайка – около пяти килограммов. Валенки, спальник, одежда, гранаты, патроны россыпью... . Всё вместе получается пятьдесят-шестьдесят килограммов. И настолько к этому весу привыкаешь, что лишние даже два килограмма моментально начинают на тебя давить.

Ночью дежуришь по очереди, часа по два. И тут украли воду... . Подходит ко мне дембель: «Ты с этого времени стоял?». – «Я». – «Где вода? Ты выпил?». – «Какая вода? У меня немного есть!». – «У меня нет воды, у других молодых нет воды. А у тебя есть. Значит, ты выпил чужую воду». – «Да не пил я!». Дембель забрал мою воду и говорит: «Приедем в полк – я тебе по шее дам!». Ведь на боевых воду воровать – это вообще последнее дело.

Но тут подошёл дембель из другой роты: «Дай сюда воду!». Первый дембель: «Зачем?». – «Это не он. Я с ним вместе стоял, взял кто-то другой». Разбирались, разбирались, но так и не могли понять, кто воду выпил.

Когда всё улеглось, я подхожу ко второму дембелю и говорю: «А почему ты сказал, что я не брал? Мы же с тобой вместе не стояли?». – «А я видел, кто взял». – «Правда? И кто?». – «С твоего взвода мордастик выпил. Ты смотри: если он выпил воду, значит, это гнилой человек, он тебя сдаст за три копейки. Никогда на боевых не оставайся с ним вдвоём... ».

Наступила тишина, стрельба прекратилась. Конец ноября, ночью уже холодно, но днём солнце вышло, ветра нет, тепло... Офицеры были на соседней горке. С нами только три чужих дембеля, остальные – все молодые. И я решил: дембелей своих нет, а этим я не подчиняюсь. Залез на большой камень, расстелил плащ-палатку, разделся до трусов и лёг – загораю!.. Камень тёплый, хорошо... То тут стрельба, то там, где-то что-то взрывается. А я лежу и смотрю сверху на огромное плато под собой – километров восемь или десять длиной.

Припекло, перевернулся на живот и вижу – наш дембель возвращается! Я, как его увидел, испугался – он ведь меня точно приберёт за эти солнечные ванны! И в горы меня больше никогда не возьмут! Я с камня спрыгнул и только хотел палатку стянуть – в неё бьют три пули!.. Пули разрывные, они огромные продолговатые дыры в палатке сделали. Я понял, откуда по мне стреляли, – «духи» были в километре от нас.

Оказывается, дембель вернулся за биноклем ночного видения. Слава Богу, что Ангел меня с этим дембелем спас! Дембель мне: «Сейчас некогда. Но если вернусь живым, ты у меня своё получишь!». Тут я понял, что на боевых можно очень быстро расслабиться. Постоянно держаться в настороженном состоянии привычки тогда ещё не было, она пришла сама собой позже.

Тогда же у меня случилась ещё одна неожиданная проблема. Кувалда (мой друг Сергей Рязанцев) захотел меня научить, как правильно есть сухпаёк. Он его разогрел на сухом спирте, а сверху насыпал горку сахара. Говорит: «Тут все так едят, очень полезно». Я решил тоже так сделать, хотя интуитивно чувствовал, что что-то тут не то, не нравился мне этот рецепт. Но он меня уговорил, через силу я эту питательную смесь съел... А через два часа у меня началось такое расстройство желудка! И длилось это несколько дней... За этот очередной прокол главный дембель меня чуть не убил.

Очень долго мы наблюдали за войной сверху. В афганской армии были наши «катюши» времён Отечественной войны. Стоят они в два ряда вдальке. Вылетают снаряды, летят, летят, взрываются!.. Рядом стоят наши самоходные установки, «грады». А мы целыми днями сверху смотрели на эту стрельбу, как в кино.

Нам казалось, что в живых после такого обстрела на плато вообще никого не должно остаться, но выстрелы оттуда всё равно были. Правда, в конце концов бомбёжками и обстрелами большинство душманов добились: часть погибла, а остальные побежали в Пакистан через ущелье. Мелкие группы, которые не ушли с основной массой, мы добивали по-одиночке. Пленных не брали, это как-то было не принято. Так мы воевали около месяца.

Плен

Стоим как-то на очередной горке. Тут меня вызывает один дембель и говорит: «Сегодня праздник – у нас сто дней до приказа» (Сто дней до приказа об увольнении. Приказ ежегодно подписывался всегда 24 марта. – Ред.) Я: «И что?». – «Где «чарс»?». (Одно из названий анаши, наркотического средства из конопли. – Ред.) Я: «Какой «чарс»? Нет никакого чарса»!..». – «Рожай! Куда хочешь иди: в другой взвод или ещё куда. Мы тебя на боевые взяли! Если не родишь, больше на боевые не пойдёшь». – «Меня же увидят?». – «Стемнеет – сходи».

Вообще-то эту схему я теоретически уже знал. По рации анашу называли то «миша», то «андрей». Это чтобы офицеры, которые слушали наши разговоры, не поняли, о чём на самом деле идёт речь. Чтобы выйти на второй взвод, даю два тона (два коротких сигнала по рации. – Ред.). – «Да». – «Ребята, у вас «миша» есть во взводе?». – «Нет, у нас «миши» нет». Ну ладно... Третий взвод: «миша» есть? Нет. Оказалось, что есть в управлении батальоном, они стояли на другой горке. – «Ребята, как стемнеет, я к вам поднимусь. Дадите – я сразу обратно».

Было часов шесть вечера. Дембелям сказал, что пошёл, и когда стало темнеть, стал спускаться. Спустился вниз – уже стемнело совсем. Честно говоря, было боязно. Шёл без броне-

жилета. На мне была куртка с карманами – «эксперименталка», она только-только появилась. Сверху «лифчик», там три магазина двойных, четыре ракетницы, две дымовые шашки оранжевые, четыре гранаты. Запалы к гранатам были отдельно. Бывали случаи, когда пуля попала в гранату. Если граната была в снаряжённом состоянии, то она детонировала. Моему дембелю пуля попала в «эфку» (оборонительная граната Ф-1. – Ред.). Когда пуля ударила, он стал кричать – прощаться с друзьями: «Маме скажите то-то, то-то, сестре – то-то, то-то!..». Ему было очень больно, и он подумал, что умирает. Тут прибежал доктор: «Где-где-где?!..». – «Да вот здесь болит!». – «Да нет здесь ничего, только синяк квадратный!». Пуля попала в гранату, гранату ударила в пластину бронезилета, а пластина – уже ему в грудь. Если бы был вкручен запал, он точно бы погиб. Потом дембель показывал нам пулю, которая застряла между зубцами на «рубашке» гранаты...

Спустился я вниз, потом стал подниматься. Шёл очень медленно, осторожно, слушал внимательно. Вдруг вижу – у входа в пещеру огонь тлеет (горел чурбак, который может всю ночь тлеть без дыма), а вокруг этого костра сидят люди! Сначала я подумал, что это наши. Но почти сразу сообразил – не наши... Они меня пока не видели.

Как же я мог так ошибиться, перепутать направление и зайти прямо к «духам»! Но я не очень испугался, приготовился к бою. Положил автомат, снял с предохранителя, патрон уже был в патроннике. Вкрутил запалы в гранаты. Взял «эфку», усики разомкнул, выдернул и выбросил кольцо. Я видел там не больше десяти человек. До них было метров двадцать. Думаю: брошу гранату и перестреляю оставшихся из автомата. Наверняка у них анаша есть, так что задание дембелей всё равно выполню.

Только приготовился, как пришла мысль: никогда не убивал людей так близко. Когда стреляешь на расстоянии, то непонятно – убил или не убил. Может, душман просто упал? И тут же вторая мысль: а вдруг кто-то из них пошёл по нужде и зайдёт сзади? Только так подумал, мне автомат сзади в голову – бац!.. И крик!.. Тут же подбежали ещё два «духа» – бородатые, с автоматами. На голове шапки, которые краями заворачиваются наверх.

Меня схватили, потащили к пещере и бросили внутрь. Я даже не успел испугаться, был какой-то шок. Но автомат левой рукой инстинктивно схватил, другой рукой гранату крепко держу – кольцо-то выдернуто! Вижу: в углу на камне старший сидит. Он что-то сказал – ко мне пошли двое с верёвками, чтобы меня связать. Один берётся за мой автомат – а я поднимаю гранату без кольца! Уже собирался бросить, как старший стал что-то быстро говорить и мне показывает: тихо, тихо, тихо, не надо... Обалдевшие «духи» отпрянули назад. Мы были внутри пещеры вчетвером, остальные стояли снаружи.

Они мне: «Шурави?». – «Да, шурави». Начали со мной разговаривать, но я же по-афгански ничего не понимаю! Говорят, говорят, мне непонятно. И в какой-то момент я осознал, что мне конец, уже отсюда не вырваться... Придётся взорвать гранату вместе с собой. Мысль эти привела меня в такой дикий ужас!.. Мне же всего девятнадцать лет! И неужто мне конец!.. И сразу обратил внимание, что тут мысли как-то по-другому пути пошли.

Время остановилось. Мыслил я очень ясно и чётко. Перед смертью я оказался в каком-то другом пространстве и времени. Думаю: лучше умереть в девятнадцать лет. Рано или поздно я ведь всё равно умру. Буду стариком каким-нибудь больным, да и вообще в жизни сложности наверняка будут. Лучше умереть сейчас.

И тут я вспомнил про крестик под петлицей. Меня эта мысль стала очень сильно греть. Появилась какая-то надежда не на спасение физическое, а что я могу обратиться к Богу. И обратился к Богу мысленно: «Господи, мне страшно! Отними у меня страх, помоги мне гранату взорвать!». Подрывать было очень страшно...

После этого пришли мысли о покаянии. Я стал думать: «Господи, мне всего девятнадцать лет. Лучше сейчас меня заberi. У меня сейчас грехов мало, я не женат, с девушками не дружил. Ничего особенно плохого в своей жизни не сделал. А за то, что сделал, прости меня!». И вдруг

я почувствовал Бога так близко, как никогда в жизни больше не чувствовал. Он был буквально над пещерой. И в этот момент время остановилось. Ощущение было такое: как будто я одной ногой уже на том свете нахожусь, а другой ногой – ещё на этом.

И тут открылись какие-то вещи, над которыми никогда в жизни не задумывался. Я с ходу понял, в чём состоит смысл жизни. Думаю: «Что самое главное в жизни? Дом построить? Нет. Родителей похоронить? Тоже нет. Дерево посадить? Тоже неважно. Жениться, детей родить? Нет. Работа? Тоже нет. Деньги? Даже странно об этом думать – конечно, нет. Нет-нет-нет... И тут я почувствовал, что самое главное, самое дорогое в жизни – это сама жизнь. И подумал: «Господи, мне ничего в жизни не надо! Ни денег, ни власти, ни наград, ни званий армейских, ничего материального. Как хорошо просто жить!».

И вдруг в голове мелькнуло: если я взорву гранату, то дембеля подумают, что я к душманам сбежал! Они же меня мучали, хоть и не били особо. – «Господи, Тебе всё возможно! Сделай так, чтобы дембеля так не подумали! Господи, и ещё одна просьба! Сделай так, чтобы моё тело нашли. Чтобы меня похоронили дома, у нас на кладбище. Маме будет намного легче, когда она будет знать, что это моё тело в гробу, а не кирпичи. Она обязательно будет это чувствовать. Придёт на кладбище, поплачет... У меня ещё три сестры есть, утешение всё равно будет». И я почувствовал какое-то необъяснимое спокойствие. Такие правильные мысли мне, совсем молодому парню, в голову приходили, просто удивительно.

И в этот момент пришёл парень лет шестнадцати, «бача». Его «духи» откуда-то вызвали. Оказалось, что он год или два жил в Союзе, в Куйбышеве (сейчас город Самара. – Ред.), и говорил по-русски. Стали спрашивать через него, откуда я, где служу. Отвечаю – в Кабуле, в десантных войсках. Здесь находимся на боевых. Спрашивают, откуда я родом. Отвечаю, что из города Саранска. Мальчик: «О, это недалеко от Куйбышева!». Я: «Да, рядышком». Спрашивают: «А как ты пришёл сюда?». – «Я шёл в другой взвод за «чарсом». – «За чем, за чем?!». – «У нас праздник у дембелей, им надо его отметить. У нас принято водкой отмечать, но водки нет. Поэтому и отмечают таким способом». Они рассмеялись. Старший приказал – кто-то пошёл и принёс «чарс». Кусок большой, примерно с апельсин. Внешне он похож на пасту «гойя», тёмно-зелёного цвета, на ощупь как пластилин, только жёстче.

(Сам я анашу не курил ни разу, ни до этого, ни после. Но не раз видел, как через три затяжки человек уходит в аут и становится невменяемым минимум на час. Я потом часто обкурившимся дембелям рассказывал анекдот про чукчу. – «А ну-ка про чукчу!». Начинаю: «Идёт чукча по пустыне. И вдруг вертолёт пролетел. И он как побежит обратно в свой аул! Кричит: я видел, я видел, я видел! Весь посёлок собрался – ну что ты видел? Ну, апельсин знаешь? Знаю. Совсем не похож!». И дембеля хохотали над этим по полчаса! Валялись в буквальном смысле, это же просто цирк был на конной тяге! Потом снова: «Давай!». И как только начинаю: «Чукча пошёл...» Они: ха-ха-ха!.. Полгода я дембелям этот анекдот рассказывал.)

«Духи» говорят: «Мы передали своим, что взяли пленного». Отвечаю: «В плен не сдамся. У меня граната без кольца, взорвусь вместе с вами. Знаю, чем плен закончится, я видел трупы наших». Они говорили-говорили между собой. Потом спрашивают: «Что предлагаешь?». – «Я предлагаю... Может, отпустите меня?...». – «Но ты же приехал убивать нас?». – «Да. Но в плен не сдамся. Я ещё никого не убил, всего полтора месяца здесь».

Душманы посоветовались ещё немного, потом старший говорит: «Ну ладно, мы тебя отпустим. Но с условием: мы тебе «чарс», а ты мне – свою куртку». (Куртка душману понравилась потому, что это была «эксперименталка». Её недавно дали, да и то только нашей роте – опробовать. А она тяжёлая, как бронжилет. Как будто матрас на себе тащишь, в горы ходить в ней очень неудобно.)

Говорю: «Куртку можно. Только отойдите». У меня в одной руке автомат, в другой – граната. Я всё равно опасался, что душманы могут на меня кинуться во время переодевания. Автомат положил, осторожно вытянул одну руку из рукава, потом другую с гранатой. Действо-

вал с опаской, но было ощущение, что находился в какой-то прострации. Настоящего страха у меня не было. Когда я просил: «Господи, отними страх! Я боюсь взорвать гранату», Господь страх у меня отнял. И в тот момент я понял, что человек на девяносто девять и девять десятых процента состоит из страха. И этот страх мы сами на себя берём, им как будто грязью мажемся. Я почувствовал, что от этого мы и боеем. И если страха нет, то человек совсем другой.

Я отдал старшему куртку, тот её сразу надел. Все куртку похвалили, а мне говорят: «Ты настоящий шурави, хубасти-хубасти (хорошо. – Ред.)». Старший говорит: «Всё, мы тебя отпускаем. Вот тебе «чарс», вот конфетки». Даже чай мне налили. Но чай пить не стал – а вдруг отравят?

И действительно мне дали конфеты! Ещё платочки размером сантиметров тридцать на тридцать, на них вышивка в виде руки с пальцем и что-то по-арабски написано. И ещё наклейки овальные, размером сантиметров десять. Там тоже рука и надпись.

Говорят: «Мы тебя отпускаем, но оставь автомат». Отвечаю: «Автомат не дам. Я за него расписался, за потерю автомата четыре года «дисбата» (дисциплинарный батальон. – Ред.)». – «Ладно, автомат не нужен. У нас и патронов таких нет, 5,45. Давай ракетницы!». – «Это пожалуйста». Вытащил четыре штуки и отдал. – «Можешь идти, мы тебя отпускаем. Скоро рассвет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.